

ХУДОЖЕСТВА

• Истории • Наблюдения • Оценки • Переживания

Громленная выставка стала векселем

Понедельник,
3 августа 1998 года

Встреча в мастерской

— Вы говорите все время не о картинах, а о «картинках» — не самоуничижения ради?

— Это жаргонное. У меня и приятель поэт именует свои стихи «стишками», что вовсе не подразумевает несерьезного к ним отношения. Недавно в Китае обнаружил любопытную вещь, о которой раньше только читал. Восточные художники традиционно считают свое искусство элементом самого совершенного творения — природы. Отожествляя себя с общим, они в отличие от европейских собратьев, уверенных в собственной исключительности и неповторимости (не может быть второго Рембрандта, второго Пикассо, второго Жутовского), не боятся утратить свою индивидуальность — в стремлении достичь соответствия и тождественности в вершинах мастерства. Поэтому на тамошних выставках можно увидеть рядышком две абсолютно одинаковые картины, написанные в пятом и в девятнадцатом веках. Они совершенствуют свое мастерство как природное явление. Один китайский коллега, профессор, к слову, заметил, что я неправильно рисую бамбук: сверху вниз, хотя тот растет наоборот — снизу вверх. В самом деле, когда кладешь кисточкой краску, то она — более темная внизу, наверх светлеет.

— Но вы не переключились на бамбук?

— То, чем я в последнее время занимаюсь, называю лаки. Лаки тоже явление природы. Их нельзя сделать руками.

— Тогда как?

— Ну как-то это делается. (И он с удовольствием продемонстрировал один из последних лаков — нечто темное, горбатое с дырой в боку и маленькими усиками. — Н. П.) А вторая моя ипостась — искусство факта. У поляков есть хорошее определение — штука-факт. Я рисую ландшафты тела, руки. Портреты. Вот историк и писатель Натан Эйдельман, человек глубокого содержания, ума и мысли. Писатели Лев Разгон и Даниил Данин, артист Аркадий Райкин...

— Вы изображаете, как правило, людей зрелого возраста, состоявшихся. Молодых — неинтересно?

— Мне любопытно в своем герое покопаться-поковыряться, чтобы о нем узнать и рассказать что-то новое. Но о молодых пока нечего. А женщины все хотели бы выглядеть моложе и красивее, чего я им, со своим желанием «покопаться», пообещать не могу. Правда, сейчас я как раз работаю над портретом одной из самых милых и интеллигентных дам Москвы — Лидии Борисовны Либединской, 75-летней правнучки Льва Толстого. Она приятельствует с симпатичными писателями и сама написала несколько замечательных книжек. Такая литературная дама.

— На ваших портретах, даже не склонные к драматизации, умеющие во всем найти смешное люди отмечены некоей трагической печатью. Почему?

— Потому что жизнь довольно трудна. И для всякого мыслящего интеллигентного человека наполнена серьезными мучительными размышлениями о несправедности, несправедливости, несовпадении возможностей.

— И поскольку вышесказанное, по идее, должно быть отнесено и к вам, Борис Жутовский, значит, вы тоже личность в некотором роде трагическая?

— Наверняка. Хотя по жизни я определяю себя генетическим оптимистом. И из двух теорий — полупустого и полуполного стаканов — предпочитаю вторую.

— В одном из интервью Виктория Токарева упомянула, что они с зятем, Тодоровским-младшим, по-разному воспринимают жизнь: она — как благо, он — как преодоление. Не получается ли так, что с возрастом жизнь перестает быть благом, превращаясь в дистанцию, которую надо преодолеть?

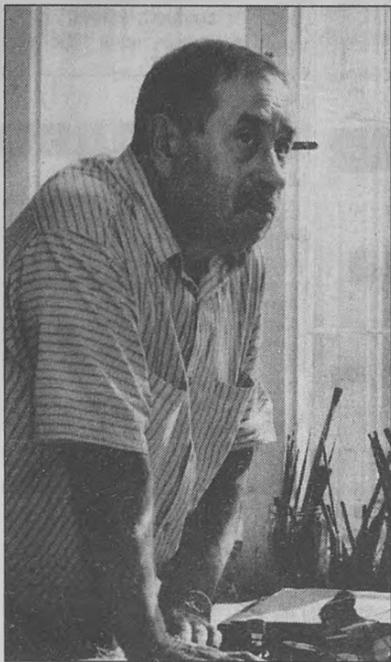
— Помилуй Бог! Много зависит от здоровья. И если ты здоров, то имеешь массу возможностей для огромного наслаждения. Да просто полениться, к примеру, — сидеть и смотреть — чрезвычайно удовольствие!

УДАЧА КОРОЧЕ ЖИЗНИ, А ЖИЗНЬ КОРОЧЕ ПЕРЕМЕН, —

считает Борис Жутовский, впрочем, не жалующийся и на отсутствие последних

Век. Москва-1998 — Забл. — с. 6
Наталья ПРИХОДОВА

К своему 50-летию известный художник Борис Жутовский, участник скандальной выставки в Манеже, вызвавшей в 1962 году негодование Никиты Хрущева, придумал картину «Пятьдесят». И нарисовал, точнее, соорудил ее, заполнив, соответственно, 50 квадратиков-клеточек (пейзажи, портреты, коллажи и всевозможные композиции и конструкции с секретом медаллона, скрывающего за створкой милое сердцу изображение). Ее — указанным числом он, разумеется, не ограничил, предусмотрев в продолжение ряды уже заполненных и пустующих пока квадратиков-погодков. Телерешение свое 65-летие Жутовский так и не собрался отметить каким-либо сооружением. Хотя, так по времени совпало, не просто 15 лет прошло — эпоха.

Как ни крути — везде удача!

— К поколению шестидесятников сегодня относятся неоднозначно. Сначала вы задирались, буддизировали, романтизировали, покоряя высоты и глубины, а стоило сверху произнести «цыц», поникли, смирились. Многие на-

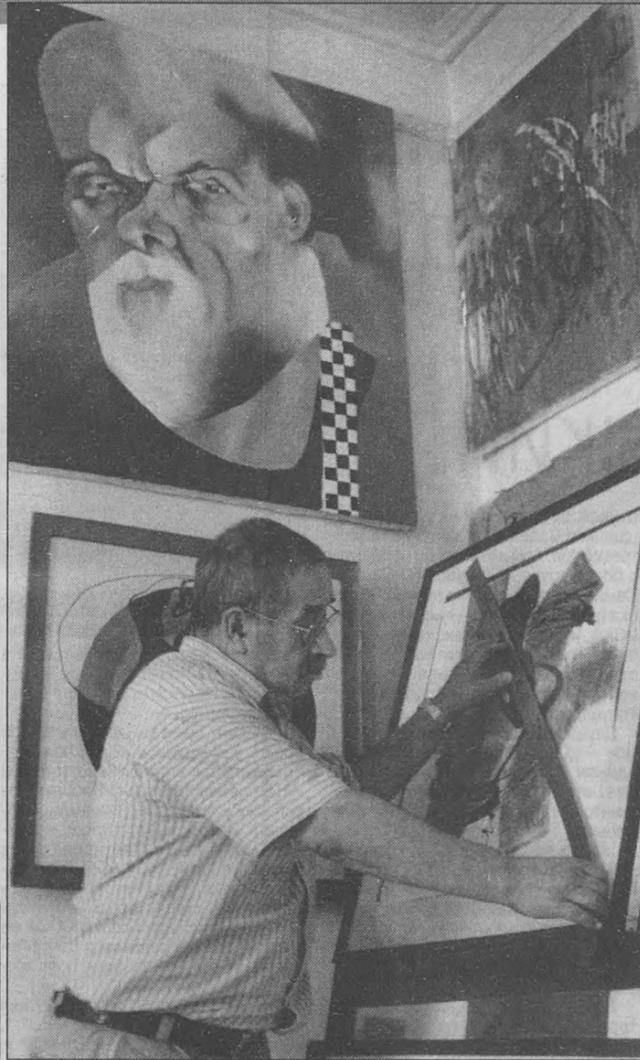
зывают вас ответственными за последующие после «оттепели» отможенные годы.

— Упрекают обычно те, кто не знает. Чтобы знать, надо почитать, подумать, постараться разобраться. Сделать это, похоже, оппоненты не дали себе труда. Да, было некоторое потепление и послабление в сравнении с предыдущим периодом и появилась определенная, пусть и куцая, свобода — мы радовались этому, шумели. А когда наступили на горло — затихли. Аргументы, вроде тех же сталинских лагерей, были весьма убедительны. В стране десятилетиями насаждалась дисциплина страха, по определению Даниила Данина. Кстати, в «Пятидесятке» я его нарисовал на фоне не вышедшей еще книги (которая не могла быть тогда опубликована и писалась «в стол») — и я с трудом уговорил Данина разрешить также воспроизвести фразу из заведомо опального его текста — а шли уже 80-е! Что же касается бывлой романтической склонности к бродяжничеству, альпинизму и прочим странственным перемещениям, то она была естественной. Ведь за кордон, за границу почти не выпускали. Вот и путешествовали вдоль и поперек внутри периметра. Благо еще, под ногами лежала одна шестая часть суши — тут и Кавказ, и Средняя Азия, и Сибирь. А были б жителями какой-нибудь маленькой Молдавии, скажем, ставшей вдруг отдельным взятым коммунистическим государством, — тогда концы!

— Прежде вы и ваши друзья беспечно играли, баловались, будучи, в буждальном смысле слова, баловнями судьбы, баловниками. Я помню, как вы однажды сокрушались, что на каком-то рауте мало вышло озорства. И один ваш приятель журналист утверждал тогда, что дружить — его профессия. Все это мило и симпатично, но не совпадает с сегодняшним прагматическим временем, когда к профессиональным относят только занятия, приносящие деньги.

— Бузить-то мы и сегодня бузим. Недавно Лев Разгон позвал меня в секунданты на «дуэли» в Институт мировой литературы, где он залепил пощечину человеку, написавшему гадости. Тому было около 40, мне — 65, а Льву Эммануиловичу недавно исполнилось 90. Так получается, что друзья всегда требуют дополнительных усилий, эмоций, времени. Дружба для меня по-прежнему серьезная работа. Может быть, это не современный подход, но ведь и я персонаж несегодняшнего времени.

— Нашумевшую давнишнюю выставку в Манеже как вы сейчас вспоминаете?

Любимые картинки Бориса Жутовского

— Во-первых, она стала векселем. Так как за тот момент я мало что за душой имел, дабы соответствовать поднятому тогда грохоту. Мне еще многое предстояло сделать. И сегодня, наверное, можно сказать, что это удалось. А, во-вторых, в результате последовавшего затем разбора, я вочую убедился, кто и как правит страной и сколь сильно дисциплина страха. Получить об этом собственное представление, основанное на личном опыте, тоже большая удача.

— Как вы оцениваете нынешнюю власть?

— К власти я всегда отношусь со скепсисом. Однако прежний режим мне представляется гораздо более худшим в сравнении с сегодняшним, обеспечившим реальную свободу. Она заскорузлая еще и крыльшки не расправила — но это свобода.

— Вы адаптировались к новым реалиям?

— Начинаю. Правда, под обломками старого мира оказались погребены и прежние мои источники доходов. Раньше я немножко продавал картинку, зарабатывая в основном на оформлении книг (их тысяча две с половиной наберется). Теперь, однако, в книжной индустрии произвели компьютерную революцию, в том числе и в сфере дизайна, а в компьютерах я ничего не смыслю. Картинки же люди склонны покупать, когда они сыты и покойны. А сейчас и сытых мало, а покойных и того меньше. Вдобавок и сытые стали таковыми недавно, они к картинкам отношения не имеют, их не понимают и не любят, полагая за живопись только то, что видели когда-то в детстве в «Родной речи», — Саврасова, Айвазовского, Васнецова — их и приобретают. Так что выходит, полигон для жизнедеятельности у меня резко сузился. И это вызвало определенную тревогу. Сегодня я стал продавать довольно много картинок, благо, не очень дорого, и имя есть. Кроме того, я профессорствую в Международном коммерческом университете, организованном в Ижевске Эдуардом Гордоном. Читаю там лекции, даю мастер-класс, учу студентов рисованию. Понемногу ситуация выправляется, появляются востребованность, расширяются возможности для путешествий, что для меня немаловажно. В последние годы я побывал в Непале, Китае, Чехии, не

однажды в Германии, собираюсь в Италию и на остров Бали в Индонезию. Много езжу и по России. Мне любопытно и интересно. Мне нравится наблюдать перемены.

— Как утверждают, наступившие времена оказались губительными для элитного слоя в России — интеллигенции, и она вымирает. Вы с этим согласны?

— Я не разделяю кликушеских настроений по поводу провозглашенного ее вырождения, так же, как и претензии на некую особость и исключительность. Как функциональный общественный слой, выполняющий свои специфические задачи в государстве, интеллигенция была, есть и будет — в Египте, в Греции и у нас. Естественно, она трансформируется во времени и в пространстве: и в России при царе, и Сталине была различной. Но всегда занималась типичными для нее проблемами: творила, осмысливала и т. п.

— Идущие на смену не разочаровывают?

— Их я плохо знаю. Не отвергаю, просто мало знаком. Хотя должен сказать, некоторые производят откровенное впечатление. Например, 32-летняя Катя Галицина, фотограф. Мы с ней вместе участвовали в выставке «Москва и москвичи» (она представила фотографии старой Москвы, а я портреты москвичей). Или 28-летний Володя Мишуков, бывший актер. Сейчас он начал снимать фильмы — повыше классом тех, что крутят обычно по ТВ. Присущее обоем серьезное отношение к ремеслу импонирует. Тем более потому, что они подвизаются в искусстве, которому быстро научиться нельзя. Это занятие требует многих навыков ремесленничества, и их надо вырастить. Ремесло — умение. Оно является обязательным условием для творчества, иногда недостаточным, но всегда необходимым. А взять 49-летнего Валерия Карпова, проживающего в старом русском городе Ирбите, в 250 километрах от Екатеринбурга. Он собрал в своем музее совершенно фантастическую коллекцию — в ней и Рембрандт, и Гойя, и Ван-Дейк! Карпов несколько лет копил, чтобы организовать мою выставку в Ирбите. И недавно эту затею осуществил и все сделал как положено: и каталог выпустил, и плакат напечатал. Так люди за 2000 верст приезжали — поглядеть. Дама на костылях

прибыла — поглядеть. Подобное наблюдалось и на выставке в Ижевске, там тоже пришло огромное количество народу. А Карпов потом свое собрание старинных гравюр вывез в Екатеринбург — несколько огромных залов — сумасшедший успех! Вот вам три перспективных молодых человека, чье присутствие обнаддевает.

— Выберется Россия наконец?

— Наверняка. Человечество сколько живет, столько и выбирается.

— То человечество. А Россия все объясняет, в дерьме держится.

— Просто очень большая. Один из моих таллинских друзей-художников — Рауль Меель, державший пасеку, рассказывал, что пчелы обычно летают в радиусе двух километров, а если забираются дальше — погибают. «У русских очень большие расстояния!», — сокрушался при этом эстонец. В самом деле медведь и всякий другой зверь метит участок, на котором собирается обитать. А человек в силу своей агрессивности захватывает территорию больше, чем может обжить и освоить. Поэтому вместо того, чтобы совершенствовать свое пребывание на земле, как это делают, допустим, в небольшой благополучной Швейцарии, россияне с давних пор обрабатывают один участок, бросают и переезжают на другой, чтобы и затем оставить заброшенным. Привычный экспансионизм сохраняется и в хищническом отношении к природным ресурсам. В результате варварского невежественного отношения к имеющемуся богатству мы по-прежнему остаемся нищими. Для обустройства нормальной цивилизованной страны ей необходимо придать человеческие размеры.

— С этим тезисом не могу согласиться хотя бы потому, что уверена, если бы в свое время Союз не поспешили развалить, сохранив его в виде общего государства с более мягкой и гибкой конструкцией, удалось бы избежать и многих проблем, конфликтов, жертв.

— В действительности давно назревший распад советской империи произошел достаточно безболезненно, с минимальным количеством потерь, которые провозглашают подобные исторические катаклизмы. Преобразования же российской государственности, предполагающие не очередную экспансию распространения во вне, но, напротив, сосредоточение, средоточение внутренних усилий, по моему разумению, осуществится не вдруг, когда-нибудь в будущем. Как и всегда говорю — удача короче жизни, а жизнь короче перемен. Впрочем, и в нашем бытии уже появляются какие-то изменения к лучшему. Просто их не замечают, забыв, скажем, что совсем недавно даже в братскую страну Болгарию нельзя было выехать, не пройдя все круги партутверждений и не ответив на вопрос о численности компартии в какой-нибудь Аргентине — это чтобы на Золотых песках позаргать пупом вверх!

— Ну а удачей вы, по определению, не обделены?

— Да, мне во многом повезло. Полученный благодаря выставке в Манеже вексель сумел отработать — удача. При этом не посадили и не убили — удача. Хватило ума остаться в своей стране (и действительно, беспокоился бы я разве о Германии или Соединенных Штатах, если бы туда уехал, как о судьбах России, — нет, конечно, только о себе бы, да о собственном выживании думал) — удача. В аварию попал, но выжил — удача. По-прежнему мастерская и машина есть — удача. Мне 65 лет, и я относительно здоров, и в состоянии много работать и ездить — удача. У меня замечательные друзья, мне многие звонят и желают пообщаться, встретиться (в то время как другие, может быть, гораздо более умные и состоятельные люди чувствуют себя невостребованными) — удача. Начал понемногу адаптироваться к новому времени — удача. И то, что хотя бы начало перемены вопреки собственному афоризму застал в своей жизни — как ни крути, удача.